

вы находимъ краткія замѣчанія о философіи Шопенгауэра и Гартмана, поскольку въ этихъ системахъ сказался волюнтаристическій принципъ философіи Шеллинга. Въ третьей главѣ (339—369 стр.) авторъ ставитъ своею задачею уяснить вліяніе философіи Шеллинга на русскую философію. Фактъ вліянія философіи Шеллинга на русскую мысль—фактъ несомнѣнный, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ это вліяніе вполнѣ не уяснено. Г-на Остроумова этотъ вопросъ очень интересуеетъ, и онъ пытается, хотя по необходимости бѣгло, но очень удачно, прослѣдить вліяніе Шеллинга на наиболѣе видныхъ представителей русской мысли XIX вѣка—П. Я. Чаадаева, И. В. Кирѣевскаго, А. С. Хомякова, Вл. С. Соловьева. Въ послѣдней (IV) главѣ своего изслѣдованія (371—395 стр.) авторъ, въ противоположность Шеллингову пантеистическому ученію о сущности и происхожденіи зла, предлагаетъ теистическое ученіе о злѣ. Обосновывая это ученіе чисто философскимъ путемъ, авторъ приходитъ къ библейскому ученію о злѣ какъ единственному, которое способно выдержать безпристрастную философскую критику.

Таково содержаніе сочиненія г. Остроумова. Авторъ, какъ легко видѣть, ставитъ вопросъ весьма широко. Онъ беретъ ученіе Шеллинга о злѣ въ связи съ его цѣльной философской системой, указываетъ связь послѣдней съ предшествующими ей философскими ученіями, отмѣчаетъ сродство понерологіи Шеллинга съ другими имѣвшими мѣсто въ исторіи человѣческой мысли подобными ученіями, наконецъ—указываетъ вліяніе Шеллинга на послѣдующую философскую мысль, и такимъ образомъ указываетъ мѣсто и значеніе системы Шеллинга въ исторіи философіи. Въ главѣ о русской философіи авторъ выходитъ даже за предѣлы своей темы, но введеніе этой главы въ сочиненіе не отражается неблагоприятно на разрѣшеніи прямой задачи автора. Авторъ весьма основательно изучилъ философское ученіе Шеллинга и притомъ по его подлиннымъ сочиненіямъ, на что, разумѣется, потратилъ не мало времени и энергіи. Хорошо ознакомился авторъ и съ

Журвалы. 28

родственными шеллингианству учениями. Наконецъ, авторъ обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи философскую начитанность и не по предмету своего сочиненія. Критика автора сильна и убѣдительна и направляется она на основное положеніе, съ которымъ стоитъ и падаетъ ученіе Шеллинга о злѣ.

Что касается построенія сочиненія, то здѣсь съ авторомъ можно и не соглашаться. Такъ, замѣчанія автора о философіи Канта, Бекка и Фихте удобнѣе было бы выдѣлить изъ первой главы, которая озаглавляется авторомъ „Онтологія и понерологія Шеллинга“, и помѣстить въ видѣ особой главы, или, по крайней мѣрѣ, отдѣла. О родственныхъ Шеллингу ученіяхъ, влияніе которыхъ сказалось на его понерологіи, можетъ быть, удобнѣе было бы сказать при генетическомъ изложеніи самой системы, а не въ критической главѣ. Впрочемъ, на это послѣднее возраженіе авторъ можетъ отвѣтить, что послѣ критической оцѣнки принциповъ свободоученія Шеллинга родственная связь его понерологіи съ другими указываемыми авторомъ ученіями выступаетъ яснѣе.

Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе г. Остроумова, по моему мнѣнію, должно быть отнесено къ числу явленій далеко незаурядныхъ“.

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева о сочиненіи студента *Никанора Павловскаго* на тему: „Большой Московскій соборъ 1666- 1667 г.г.“.

„Сочиненіе г. Павловскаго по объему самое обширное изъ всѣхъ писанныхъ мнѣ въ этомъ году кандидатскихъ диссертаций; но я нахожу возможнымъ ограничиться небольшою на него рецензією.

Взявши тему очень широкую, но при научныхъ силахъ еще недостаточно окрѣпшихъ, авторъ естественно долженъ былъ искать опоры въ руководственныхъ пособіяхъ, которыя въ той или иной степени имъ и использованы. Отсюда сочиненіе въ значительной степени носитъ характеръ компилятивный, хотя явственны слѣды провѣрки пособій и по перво-

источникамъ. Иногда трудъ автора въ этомъ отношеніи доходитъ даже до излишествъ. Такъ, напр., въ подтвержденіе того, что на соборѣ присутствовали патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, авторъ приводитъ болѣе 40 цитатъ изъ матеріаловъ для исторіи русскаго раскола, изъ дополненій къ актамъ историческимъ, изданнымъ Археографическою комиссіею, и изъ документовъ, приложенныхъ къ труду Н. Гюббенета: „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“ (стр. 29). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ наиболѣе отдалается отъ пособій, желательна бы лучшая обработка и въ литературномъ отношеніи.

Принимая, однако, во вниманіе достаточное знакомство автора съ предметомъ изслѣдованія, не исключая и первоисточниковъ и значительнаго труда, положеннаго имъ на свою работу, я нахожу возможнымъ признать сочиненіе его удовлетворительнымъ для той цѣли, съ которою оно представлено“.

27) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина о сочиненіи студента *Ивана Первова* на тему: „Проблема личности и ея назначенія по Достоевскому“.

„Обширное сочиненіе студента IV курса Первова состоитъ изъ предисловія, введенія, четырехъ главъ изслѣдованія и заключенія.

Въ предисловіи (стр. I—XIII) авторъ указываетъ исключительное значеніе изученія сочиненій Ф. М. Достоевскаго въ настоящее время когда матеріалистическія и социалистическія теоріи, вызвавшія цѣлый рядъ типовъ и отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго, не только оживились, но и стремятся проникнуть въ народъ, подрывая его нравственно—историческія понятія и вѣрованія.

Во введеніи, довольно обширномъ по объему (стр. 1—36), авторъ старается выяснитъ органическую связь міровоззрѣнія великаго писателя съ направленіемъ эпохи, въ кото-

рую ему приходилось жить и писать. То была эпоха усиленного изученія естественныхъ наукъ въ цѣляхъ созданія матеріальнаго и возможно равномѣрнаго благосостоянія русскаго народа, и въ цѣляхъ отреченія отъ философско-идеалистическихъ теорій тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ.

Глава первая (стр. 37—145) посвящена ученію Достоевскаго о самоцѣльности и самоцѣнности личности человѣка и борьбѣ его съ общественными и социалистическими воззрѣніями на отдѣльную личность, какъ на средство. Глава вторая (стр. 146—265) занята изученіемъ и обоснованіемъ взглядовъ Ф. М. Достоевскаго на смыслъ и значеніе жизни человѣка. Въ объясненіе этихъ взглядовъ авторъ обстоятельно разбираетъ типы атеистовъ и нигилистовъ, теоретиковъ, какъ Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ, Ставрогинъ, Верховенскій, и практиковъ, какъ Феодоръ Карамазовъ, Свидригайловъ. Одни и другіе выходятъ изъ личнаго опредѣленія цѣли жизни и усиленно борются съ идеей безсмертія и ученія христіанства о Богѣ.

Глава третья (стр. 266—375) доказываетъ основное положеніе Достоевскаго и автора изслѣдованія, что христіанство заключаетъ въ себѣ единственный путь къ выясненію назначенія и цѣли жизни человѣка.

Наконецъ, четвертая глава (стр. 376—502) говоритъ о личномъ совершенствованіи и условіяхъ его, какъ основѣ совершенствованія общественнаго.

Заключеніе (стр. 503—545) обобщаетъ сказанное въ четырехъ главахъ изслѣдованія въ положеніи, что только въ Богѣ, только въ религіи и вѣрѣ заключено разрѣшеніе вопроса о смыслѣ и назначеніи жизни человѣка; что наука, безграничная по предмету и доступнымъ выводамъ, не только не дала удовлетворительнаго разрѣшенія данныхъ вопросовъ, но и не въ состояніи когда бы то ни было дать ихъ внѣ Бога и безсмертія души человѣческой. Сравнивая эти выводы съ выводами по тѣмъ же вопросамъ Н. В. Гоголя и Л. Н. Тол-

стаго, авторъ отдаеть преимущество обоснованности и глубины рѣшенія вопроса Ѳ. М. Достоевскому.

Сочиненіе автора писано съ интересомъ и любовію. Направленіе сочиненія доброс. Стилѣ мѣстами тяжеловатъ. Можно кое-что изложить короче. Но и въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе студента Первого представляетъ очень хорошую кандидатскую диссертацию“.

28) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента священника *Саввы Петруньвича* а „Западно—русская греко-униатская церковь въ первую четверть вѣка ея существованія (1596—1620 г.г.)“.

„Обширное сочиненіе студента священника С. Петруньвича написано по слѣдующему плану.

Оно состоитъ изъ предисловія, введенія, двухъ отдѣловъ и заключенія.

Предисловіе (стр. 1—4) посвящено опредѣленію темы и ея значенія.

Во введеніи (стр. 5—166) излагается исторія попытокъ уніи съ римскимъ костеломъ въ З. Руси въ XV—XVI в.в. и, въ частности, исторія Брестской церковной уніи 1596 г.

Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія изображается внѣшняя исторія западно—русской греко-униатской церкви въ первое 25—лѣтіе ея существованія. Онъ, въ свою очередь, состоитъ изъ двухъ главъ.

Въ *первой главѣ* (стр. 167—406) внѣшнее состояніе западно—русской греко-униатской церкви въ 1596—1620 г.г. изображается со стороны ея распространенія и борьбы съ православными. Съ наибольшимъ вниманіемъ авторъ останавливается здѣсь на изложеніи біографій и характеристики дѣятельности первыхъ трехъ западно—русскихъ греко—униатскихъ митрополитовъ: Михаила Рагозы, Ипатія Поцѣя и Іосифа Вельяминова Рутскаго.

Во *второй главѣ* (стр. 407—450) характеризуются взаимныя отношенія между католичествомъ и западно—русскою униією въ 1596—1620 г.г.

Второй отдѣлъ сочиненія посвященъ изображенію внутренняго состоянія западно—русской греко—униатской церкви въ 1596—1620 г.г.

Въ частности, здѣсь въ *первой главѣ* (стр. 451—553) характеризуется высшее управленіе (власть митрополита), епархіальное управленіе (права епископовъ, крылоса, намѣстниковъ и др. вспомогательныхъ органовъ), а также сообщаются свѣдѣнія о братствахъ и базилианскомъ орденѣ.

Во *второй главѣ* (стр. 553—624) изображается состояніе просвѣщенія въ западно—русской греко—униатской церкви, въ частности, характеризуется полемическая униатская литература 1596—1620 г.г.

Въ *главѣ третьей* (стр. 624—659) описываются нравы и бытъ духовенства и мірскихъ членовъ западно-русской греко-униатской церкви.

Въ *заключительныхъ словахъ* своего сочиненія (стр. 660—666) авторъ, на основаніи своего знакомства съ исторією западно-русской греко—униатской церкви въ первые годы ея существованія, высказываетъ нѣсколько своихъ личныхъ мыслей и соображеній касательно современнаго состоянія и возможнаго будущаго остатковъ прежней русской униі.

Главный недостатокъ сочиненія составляетъ то, что авторъ привнесъ въ него много лишняго. Таково, напр., введеніе диссертации. Оно изложено слишкомъ подробно, растянуто и, при отсутствіи оригинальности, не даетъ ничего новаго для сочиненія. То же самое должно сказать о второй главѣ перваго отдѣла сочиненія. Начальныя страницы ея (407—442), гдѣ говорится объ отношеніяхъ короля, папы и папскихъ нунціевъ въ униі, въ настоящемъ изложеніи, должны быть признаны излишними. Есть много лишняго и въ *первой главѣ* втораго отдѣла, гдѣ, напр., строй униатской церкви изобра-

жается на основаніи фактовъ изъ жизни православной церкви (стр. 502 и слѣд.), или дѣятельность уніатскихъ братствъ характеризуется на основаніи фактовъ, всецѣло относящихся къ православнымъ братствамъ (стр. 521 и слѣд.).

Другимъ недостаткомъ сочиненія должно признать неразборчивость автора въ источникахъ и пособіяхъ, которыми онъ пользовался и среди которыхъ мы встрѣчаемъ не только устарѣлые и плохіе учебники, но даже и газетныя статьи и непечатанныя лекціи и рѣчи (стр. 9, 17 прим. 10, 19 прим. 13, 23 прим. 18, 29 прим. 26, 164 прим. 186, 279 прим. 90, 489, 515, 521, 582). Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ въ началѣ сочиненія, вмѣсто нынѣшняго непужнаго введенія, не предложилъ критическаго обзора литературы своего предмета.

Критическія замѣчанія автора не всегда отличаются серьезностію и основательностію. Иногда вмѣсто критики употребляются авторомъ рѣзкія выраженія (стр. 167, 226, 307, 320, 340, 341, 373, 381 ср. 623), или же ироническія замѣчанія (стр. 248, 249, 397, 529), или же, наконецъ, неправильное освѣщеніе предмета (стр. 278 и слѣд., 327 ср. 572).

Рѣчь автора по мѣстамъ страдаетъ употребленіемъ нескладныхъ оборотовъ (стр. 141, 215, 272, 546, 552, 563, 564, 567, 578), вульгарныхъ выраженій (стр. 53, 95, 99, 127, 248, 249, 311, 459, 497, 567, 581, 584, 619, 623) и грамматическихъ ошибокъ (стр. 21, 26, 48, 341, 406), или описокъ (стр. 226, 254, 276, 287, 336, 340, 404).

Достоинства сочиненія таковы. Авторъ основательно познакомился съ обширною литературою своего предмета не только на русскомъ, но и на польскомъ (Ликовскій, Бартошевичъ и др.) и нѣмецкомъ (Пелешъ) языкахъ. Взглядъ его на унію и на положеніе ея въ первые годы ея существованія долженъ быть признанъ вѣрнымъ. Въ изображеніи внутренней жизни греко—уніатской западно—русской церкви авторъ

обнаружилъ самостоятельность и хорошее умѣнье пользоваться первоисточниками.

На основаніи всего сказаннаго, сочиненіе студента священника С. Петрунѣвича, какъ кандидатская диссертация, можетъ быть признано очень хорошимъ“.

29) Ординарнаго профессора прот. Θ. Титова о сочиненіи студента священника *Павла Подвысоцкаго*, на тему: „Западно—русскія полемическія сочиненія по вопросу о возстановленіи православной іерархіи въ З. Руси въ 1620 году“.

„Возстановленіе іерархіи, совершившееся въ 1620 году, по справедливости, признается однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи западно—русской православной церкви. Оно вывело западно—русскую православную церковь изъ того критическаго положенія, въ какомъ оно оказалось послѣ 1596 г. Оно обновило и укрѣпило ея внутреннія силы, которыя были такъ необходимы ей для борьбы съ латино—уніатами. Оно же, наконецъ, способствовало возвышенію нашего Кіева, возстановленію того важнаго значенія, какое Кіевъ имѣлъ въ церковной исторіи Россіи прежде, до монгольскаго нашествія, и какое онъ получилъ въ послѣдствіи.

Возстановленіе западно—русской православной іерархіи въ 1620 году оцѣнивалось и современниками его, какъ выдающееся и весьма важное событіе. Оно вызвало весьма живое обсужденіе въ современной литературѣ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, при какихъ оно совершилось. Какъ православные, такъ и греко-уніаты подвергли его въ своихъ сочиненіяхъ самой серьезной и тщательной критикѣ. Благодаря этому, событіе 1620 года выяснилось такъ хорошо, какъ это бываетъ весьма рѣдко въ исторіи.

Студентъ священникъ П. Подвысоцкій и взялъ на себя трудъ изслѣдовать литературу, посвященную событію 1620 г. Въ результатъ этого изслѣдованія явилось разсматриваемое солидное и серьезное сочиненіе его. Оно состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

Во *введеніи* (стр. I—IX) дается краткая характеристика польской, русской и русско-украинской научной литературы по истории западно—русской православной церкви и, в частности, по вопросу о восстановлении западно-русской православной иерархии в 1620 г. Здесь же определяются задачи и планъ сочинения.

Въ *главѣ первой* (стр. 1—61) авторъ ведетъ подробную рѣчь о полемической западно—русской литературѣ, о ея происхожденіи, о мотивахъ, лежавшихъ въ основаніи ея появленія и развитія, о содержаніи ея, о различіи между латино—униатскою и русско—православною полемическою литературою, о различныхъ фазисахъ ея развитія, о вліяніи на историческій ходъ развитія и характеръ православно—русской полемической литературы со стороны современныхъ протестантскихъ полемистовъ и, наконецъ, о значеніи западно—русской полемической литературы для исторической и богословской науки.

Во *второй главѣ* (стр. 62—165) излагается история восстановления западно—русской православной иерархии в 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. При составленіи этой главы, авторъ пользовался хорошо изученною имъ полемическою литературою, посвященною данному вопросу. Поэтому, нѣкоторые моменты истории событія 1620 г., напр., дату епископскихъ хиротоній, совершенныхъ и. Теофаномъ, мѣсто этихъ хиротоній и др. обстоятельства авторъ излагаетъ иначе, чѣмъ прежніе историки, и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ это было у послѣднихъ. Конецъ главы посвященъ выясненію того важнаго значенія, какое имѣло восстановление в 1620 г. западно—русской православной иерархии для церковной и гражданской истории 3 Руси.

Глава третья (стр. 166—603)—самая обширная и самая капитальная въ сочиненіи. Въ ней изслѣдуется полемическая литература, явившаяся по поводу событія 1620 г. Здесь авторъ, прежде всего, отмѣчаетъ характеристическія черты ли-

тературы по вопросу о возстановленіи западно русской православной іерархіи въ 1620 г. сравнительно съ другими памятниками западно-русской полемической литературы. Затѣмъ имъ обозрѣваются самыя полемическія сочиненія, написанныя православными и уніатами по поводу событія 1620 г., а именно слѣдующія: 1) *Verificatio niewinno'sci* М. Смотрицкаго, вышедшая двумя изданіями въ 1621 г. (стр. 185—305); 2) Протестація м. Іова Борецкаго отъ 28 апрѣля и 15 мая 1621 г., сохранившаяся въ рукописи въ архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ, причемъ первая изъ нихъ приводится авторомъ въ приложеніи къ своему сочиненію (стр. 305—325); 3) *Sowita wiła*, уніатское произведеніе, изданное виленскими троицкими базилианами въ 1621 г. и направленное противъ перваго изданія *Verificatio niewinno'sci* М. Смотрицкаго (стр. 325—387); 4) *List do zakonnikow monastera cerkwie S. Duchá Wilenskiego* 1621 г. (стр. 387—400); 5) *Proba Verificatii...* 1621 г. (стр. 400—426); 6) *Obrona Verificatii* 1621 г. (стр. 427—467); 7) *Examen Obrony* 1621 г. (стр. 468—485); 8) *Elenchus...* (стр. 488—512); 9) *Appendix na examen Obrony Verificatii* 1622 г. (стр. 512—524); 10) *Antelenchus...* 1622 г. (стр. 525—565); 11) *Justificatio niewinno'sci* 1622 г. (стр. 566—581) и 12) *Supplicatio...* 1623 г. (стр. 581—603).

Порядокъ изслѣдованія всѣхъ перечисленныхъ памятниковъ западно-русской полемической литературы у автора таковъ. Прежде всего, онъ старается установить личность писателя того или другого сочиненія, если только авторъ его неизвѣстенъ. Затѣмъ онъ сообщаетъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности автора разсматриваемаго сочиненія. Наконецъ, имъ излагается бѣльшею частію весьма подробно содержаніе того или другого памятника полемической литературы.

Въ *главѣ четвертой* (стр. 604—627) авторъ даетъ общую характеристику всей полемики по вопросу о возстановленіи западно-русской іерархіи въ 1620 г. со стороны главныхъ по-

ложеній ея и тѣхъ основныхъ принципѣвъ, какими руководились православные и уніаты въ полемикѣ, а также кратко говорить о важности полемическихъ западно-русскихъ сочиненій 1621—1623 г.г. для церковно-исторической науки.

Въ особомъ *приложеніи* (стр. 1—33) помѣщенъ авторомъ текстъ „благочестивой юстификаціи и всеобщей протестаціи кіевскаго митрополита Іова Борецкаго 1621 г.“, по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ подъ № 458 (стр. 34—43). Текстъ приложеннаго документа, нигдѣ доселѣ непечатаннаго и весьма важнаго, авторъ сопровождаетъ своими пояснительными примѣчаніями, которыя обнаруживаютъ внимательное и серьезное изученіе имъ даннаго документа.

Таково содержаніе обширной диссертациі студента священника П. Подвысоцкаго. Какъ студенческій трудъ, сочиненіе его отличается выдающимися достоинствами. Главное достоинство его заключается въ томъ, что оно есть трудъ вполне самостоятельный. Авторъ работалъ почти исключительно по первоисточникамъ. Изученіе этихъ послѣднихъ представляло для него, какъ новичка въ подобнаго рода работъ, тѣмъ болѣшій затрудненіи, что полемическія западно-русскія сочиненія, какими онъ пользовался, напечатаны на польскомъ языкѣ. Чтеніе, разборъ и особенно пользованіе подобными сочиненіями сопряжено съ большими затрудненіями, которыя можетъ преодолѣть только особенная любовь къ избранному предмету и навыкъ въ трудѣ. И ту и другой авторъ имѣетъ, что и доказалъ краснорѣчиво въ своемъ сочиненіи.

Третья глава сочиненія, гдѣ авторъ изслѣдуетъ полемическіе литературные труды 1621—1623 г.г., посвященные вопросу о возстановленіи западно-русской православной іерархіи въ 1620 г., изобилуетъ многими новыми свѣдѣніями, разъясняющими не только этотъ послѣдній вопросъ, но и нѣкоторыя другія стороны и событія въ жизни западно-русской православной церкви.

Авторъ не ограничился въ своемъ сочиненіи однимъ только изложеніемъ содержанія полемическихъ западно-русскихъ трудовъ 1621—1623 г.г., но снабдилъ это изложеніе своими посильными критическими сужденіями и замѣчаніями. Сужденія автора въ большинствѣ случаевъ отличаются серьезностію, обдуманностію, осторожностію и зрѣлостію.

Мнѣ кажется, что сочиненіе студента священника П. Подвысоцкаго могло бы быть напечатано и въ такомъ случаѣ оно могло бы быть многими прочитано съ большимъ интересомъ и пользою. Для этой цѣли могу рекомендовать автору сдѣлать слѣдующія дополненія и исправленія въ своемъ сочиненіи.

Въ главѣ третьей необходимо расширить и усилить критическія замѣчанія и объясненія. Укажу нѣсколько примѣровъ. Въ полемическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „*Werificatia niewinności*“ встрѣчаются частыя указанія на „виновника клеветы“, которая вызвала гоненія на возстановленную въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ западно-русскую православную іерархію; есть въ этомъ сочиненіи даже цѣлый отдѣлъ, посвященный специально упомянутому „виновнику клеветы“ на православныхъ (стр. 283 и слѣд.) Самъ собою, невольно, напрашивается на умъ вопросъ—кто же былъ этотъ „виновникъ клеветы“? Но у автора нѣтъ рѣшительно никакого отвѣта на этотъ вопросъ, нѣтъ у него даже попытки возбудить и рѣшить этотъ вопросъ. Или вотъ другой примѣръ. Авторъ уніатскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „*Sowita wina*“ называетъ русскаго митрополита Фотія († 1431 г.) преемникомъ м. Діонисія (стр. 346). Здѣсь явная ошибка и несообразность, которую, однако же, авторъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ. Въ главѣ первой своего сочиненія авторъ высказываетъ любопытную мысль о вліяніи протестантской полемической литературы XVI в. на историческій ходъ развитія и характеръ православно-русской полемической литературы. Эта мысль требуетъ болѣе обстоятельнаго и болѣе документаль-

наго доказательства, чѣмъ какое даетъ въ своемъ сочиненіи авторъ.

Необходимо также обратить самое серьезное вниманіе на внѣшнюю сторону сочиненія, на его изложеніе. Въ сочиненіи встрѣчаются сравненія не совсѣмъ подходящія (стр. 149—150), выраженія неудачныя (стр. 152, 238, 240, 470), предложенія нескладныя (стр. 75—76, 96, 115, 132, 364), отзывы и приговоры преувеличенныя (стр. 162) и грамматическіе промахи (стр. 7, 36, 58, 67, 234, 261, 278, 343, 367, 448, 479, 517, 524, 527, 528, 565 и 585).

Наконецъ, необходимо обратить самое серьезное вниманіе на переводъ и свободное изложеніе авторомъ содержанія западно-русскихъ полемическихъ сочиненій, обозрѣваемыхъ имъ въ третьей главѣ сочиненія. Сейчасъ у автора замѣчается въ этомъ отношеніи шероховатости и явные полонизмы (стр. 224, 241, 245, 249, 267, 271, 275, 279, 281, 285, 313, 483, 487 и 512), а иногда и совсѣмъ неудачные опыты перевода (стр. 221, 231, 236, 293, 295, 300, 421, 425, 479 и 480).

Самое обозрѣніе полемическихъ сочиненій по вопросу о возстановленіи западно-русской православной іерархіи 1620 г. необходимо оживить привнесеніемъ нѣкотораго разнообразія въ приемы и планъ этого обозрѣнія. Нынѣшнее однообразіе оборотовъ рѣчи и приемовъ изложенія и критики дѣйствуетъ утомительно на читателя.

Отмѣченные мною сейчасъ недочеты нисколько ни умаляютъ высокихъ и выдающихся достоинствъ сочиненія. Диссертация студента священника П. Подвысоцкаго, какъ кандидатская работа, можетъ быть признана, по моему мнѣнію, отлично хорошою“.

30) Доцента священника Н. Гроссу о сочиненіи студента *Николая Попова* на тему: „Пастырь-проповѣдникъ по твореніямъ св. Іоанна Златоуста“.

Главная задача автора состояла въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ пастырское служеніе и церковное учи-

тельство, по Златоусту, взаимно другъ друга подкрѣпляютъ, поддерживаютъ и ведутъ къ достиженію одной общей цѣли—къ спасенію вѣрующихъ. Чтобы удовлетворительно разрѣшить эту задачу, авторъ прежде всего долженъ былъ разъяснить вопросъ о томъ, какъ смотрѣла на взаимныя отношенія между пастырствомъ и учительствомъ церковнымъ предшествующая Златоусту исторія проповѣдничества. Съ этою цѣлью онъ и предлагаетъ во введеніи (стр. 1—66) къ своему сочиненію экскурсъ въ исторію церковной проповѣди первыхъ трехъ вѣковъ вообще и 4-го вѣка—въ частности,—но экскурсъ совершенно неудовлетворительный. Собранный здѣсь матеріалъ не приведенъ въ единство, не освѣщенъ одною какою-либо мыслью, а разсматривается съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ зависимости отъ тѣхъ нособій, изъ которыхъ заимствованъ. Авторъ пишетъ безъ опредѣленнаго плана, такъ что читатель не знаетъ, какіе именно вопросы интересуютъ его въ исторіи церковной проповѣди.

Переходя къ твореніямъ св. Іоанна Златоуста, авторъ долженъ былъ изучить послѣднія съ точки зрѣнія указанной выше общей задачи своей работы, но и этого онъ не сумѣлъ сдѣлать вполне удовлетворительно. Хотя онъ и говоритъ въ 1-мъ „отдѣлѣ“ (почему не въ первой „главѣ“?) о пастырскомъ служеніи по Златоусту,—о его задачахъ и средствахъ осуществленія ихъ, но въ столь общихъ выраженіяхъ, что дальнѣйшая рѣчь о церковномъ учительствѣ, объ умственныхъ и религіозно-нравственныхъ качествахъ церковнаго учителя органически мало связана съ разсужденіями о пастырствѣ. А затѣмъ, изслѣдованіе вопроса о внутреннемъ характерѣ пастырской проповѣди (отдѣлъ второй,—стр. 135—236) и о внѣшнихъ ея особенностяхъ (отдѣлъ третій,—стр. 227—270) ведется уже почти безъ всякой мысли о связи церковной проповѣди съ пастырскимъ служеніемъ.

Должно поставить автору въ вину также и то, что онъ не считаетъ нужнымъ разъяснить тѣ многочисленныя мѣста

изъ твореній Златоуста, которыми наполняетъ цѣлые десятки страницъ своего сочиненія. Равнымъ образомъ, онъ мало заботится о томъ, чтобы нарисовать цѣльный златоустовскій идеаль пастыря-проповѣдника, почему отъ чтенія его работы и не получается общаго впечатлѣнія.

Достоинство сочиненія г. Попова составляетъ обиліе цитатъ изъ златоустовскихъ бесѣдъ. Конечно, въ настоящее время, при существованіи образцоваго перевода твореній св. отца, не трудно набрать какое угодно количество этихъ цитатъ; но все-же г. Поповъ усердно читалъ Златоуста и вдумывался въ мѣста, относящіеся къ его работѣ. Кромѣ того, онъ познакомился съ русскою литературою предмета и воспользовался всѣмъ, что въ ней есть лучшаго. Изложеніе, повидимому, удовлетворительно: говорю — *повидимому* потому, что сочиненіе г. Попова переписано такимъ неразборчивымъ почеркомъ, что мнѣ часто приходилось только догадываться о содержаніи и изложеніи тѣхъ или другихъ мѣстъ.

Для степени кандидата богословія сочиненіе въ общемъ можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

31) Доцента М. Скабаллановича о сочиненіи студента іеродіакона *Порфирія (Мальнева)* на тему. „Святоотеческое ученіе о твореніи и промыслѣ“

„Въ виду обширности темы автору указаны были такія рамки: ограничивъ изслѣдованіе свое св. отцами, переведенными на русскій языкъ, дать общую картину раскрытія догмата, останавливаясь подробнѣе только на томъ, что каждый изъ св. отцовъ дастъ существенно оригинальнаго по сравненію съ прежними. Давая побужденіе автору къ широкому ознакомленію съ святоотеческою письменностью, тема, кромѣ этой цѣли, имѣла въ виду посильное восполненіе авторомъ патрологическаго матеріала по данному вопросу въ русскихъ догматикахъ, матеріала, менѣе богатаго и менѣе упорядоченнаго въ сравненіи съ патрологическимъ матеріаломъ другихъ

отдѣловъ (напр., сотеріологическаго). Обѣихъ этихъ цѣлей авторъ, повидимому, достигъ въ возможной для него степени.

Въ сочиненіи представлено ученіе около 20 церковныхъ писателей II—VIII вѣковъ о твореніи и около 10 II—VI вѣковъ о промыслѣ. Однимъ изъ св. отцовъ удѣлено менѣе вниманія, другимъ болѣе,—сообразно количеству заключающагося въ ихъ писаніяхъ потребнаго для автора матеріала. О каждомъ писателѣ отмѣчается, съ какихъ сторонъ разсматривалъ онъ трактуемые догматы, и приводятся важнѣйшіе тезисы его ученія о нихъ, а для важнѣйшихъ дѣлается и попытка создать изъ разсѣянныхъ по разнымъ твореніямъ замѣчаній цѣльную „творческо-промыслительную“ теорію. Со взглядами не переведенныхъ на рус. яз. св. отцовъ авторъ знакомился по монографіямъ о нихъ и о ихъ догматическихъ системахъ (напр., съ Григоріемъ Нисскимъ по изслѣдованію о немъ проф. Немѣлова и т. п.).

Въ виду нѣкотораго однообразія въ раскрытіи догмата у св. отцовъ автору трудно было избѣжать повтореній, но все же изъ 424 страницъ сочиненія (XX+290+114) на 52 страницахъ я нашелъ мысли св. отцовъ и соображенія по поводу ихъ самого автора, дающія болѣе или менѣе новыя и плодотворныя точки зрѣнія на догматы. Слѣдовательно, автора нельзя упрекнуть въ отсутствіи того научнаго вкуса, который даетъ возможность въ массѣ литературы находить жемчужины. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить уже и эпиграфы, избранные имъ,—для 1 части сочиненія, о твореніи: изъ св. Θεοφιλα: „Шестидневное твореніе никто изъ людей не можетъ надлежащимъ образомъ ни объяснить, ни изобразить всего достоинства его, хотя бы имѣлъ тысячу устъ и тысячу языковъ; *даже хотя бы кто имѣлъ тысячу лѣтъ на этомъ свѣтѣ, и тогда не въ состояніи сказать объ этомъ достойнымъ образомъ по причинѣ превосходнаго величія и по богатству премудрости Божіей, присущей этому шестидневному творенію“ (къ Авт. 2, 12) и изъ бл. Августина: „Дайте мнѣ.

выслушать и понять, какъ Богъ въ началѣ сотворилъ небо и землю. Моисей написалъ эти слова и исчезъ. Онъ удалился съ этой земли къ Тебѣ, Боже!.. Если бы онъ былъ здѣсь, я бы обратился къ нему, спрашивалъ бы его, умолялъ бы его объяснить мнѣ слова его. Но такъ какъ я не могу вопрошать его, то вѣдь Ты, о Истина, вдохновляла его, когда онъ изрекалъ истину, и Тебя, Боже мой, я умоляю, какъ Ты далъ твоему служителю даръ свидѣтельствовать объ этихъ вещахъ, то дай мнѣ понять ихъ" (Исп. 11, 3); ко 2-й части, о промыслѣ, изъ Минуція Феликса: „Онъ находится во тьмѣ и въ нашихъ помышленіяхъ, и мы не только все дѣлаемъ предъ Нимъ, но даже и живемъ съ Нимъ" (Окт. 32).

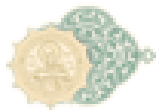
Изложенію святоотеческаго ученія какъ о твореніи, такъ и о промыслѣ авторъ предпосылаетъ вступительныя главы, въ которыхъ послѣ замѣчаній о важности и трудности проблемы, онъ указываетъ стороны, съ какихъ вообще разсматривался догматъ у св. отцовъ, и намѣчаетъ главныя направленія святоотеческаго богословія въ рѣшеніи связанныхъ съ догматомъ вопросовъ. Такъ, главными космогоническими вопросами, занимавшими св. отцовъ и вызвавшими разныя рѣшенія, были, по мнѣнію автора, вопросы о томъ: какъ понимать дни творенія, что разумѣть подъ небомъ въ Быт. 1, 1 и, наконецъ,— какъ понимать весь рассказъ Быт. 1 о твореніи—въ буквальномъ или аллегорическомъ смыслѣ. Авторъ справедливо устанавливаетъ, что на всѣ эти вопросы (исключая развѣ послѣдній) святоотеческое богословіе давало неодинаковыя отвѣты. Больше согласія было въ ученіи о промыслѣ, но зато менѣе высказано было по этому догмату и менѣе онъ былъ раскрытъ. Эти главы въ сочиненіи, особенно вступительная къ 1 части, какъ бы резюмируютъ выводы, къ которымъ авторъ пришелъ въ результатъ своей работы, и являются наиболѣе самостоятельными въ сочиненіи.

Таковъ общій характеръ и достоинства представленной работы. Въ частности ея и въ способъ выполненія можн

указать не одинъ недостатокъ. Не вездѣ достаточно показана генетическая связь между ученіемъ различныхъ св. отцовъ. Одинъ и тотъ же доводъ, напр., въ пользу промысла изъ порядка міра и мирнаго сожителства въ немъ противоположностей—у каждаго изъ послѣдующихъ отцовъ болѣе и болѣе раскрывается и является болѣе убѣдительнымъ. Въ сочиненіи это не показано.

Въ авторѣ, вообще, какъ будто не видно начитаннаго челоуѣка, особенно въ свѣтской литературѣ (черта въ инокѣ, впрочемъ, понятная, а, м. б., и одобрительная). Для него ученость какъ будто исчерпывается богословіемъ,—какъ то видно изъ такихъ фразъ: „нѣкоторые изъ св. отцовъ, подобно ученымъ нашего времени, не думали, что солнце было создано въ четвертый день“... (стр. 289). Въ связи съ этимъ стоитъ нѣсколько преувеличенное мнѣніе объ учености св. отцовъ. Наприм., св. Іоаннъ Златоустъ называется величайшимъ ученымъ своего времени и это тотчасъ же послѣ изложенія слѣдующей астрономической теоріи его: „Когда солнце собирается зайти, оно погружается не подъ землю, а, выйдя за предѣлы неба, бѣжитъ въ сѣверныя страны и скрывается за ними, какъ бы за стѣною, потому что воды не позволяютъ видѣть его теченіе; пробѣжавъ сѣверную сторону, оно достигаетъ востока“ (стр. 202, 203. Твор. Злат. VI, 767). О Каппадокійцахъ утверждается, что „въ ихъ твореніяхъ, отличающихся возвышеннымъ краснорѣчіемъ, высказываются мысли даже въ лучшей формѣ, чѣмъ какія можно встрѣтить у знаменитыхъ философовъ Греціи—Сократа и Платона“ (стр. 22). Сочиненіе переполнено лирическими восторгами предъ глубиною мысли св. отцовъ и эти восторги высказываются иногда по изложеніи не особенно оригинальныхъ мыслей ихъ, а иногда авторъ не ограничивается похвалами богословію св. отцовъ и пишетъ панегирики вообще личности ихъ (такъ о св. Златоустѣ на 188 стр.).

И перо автора нельзя назвать бойкимъ. Однообразіе выраженій, шаблонные переходы („теперь рассмотримъ“ и т. п.), по мѣстамъ неуклюжія выраженія.

Всѣ эти недостатки не таковы, однако, чтобы особенно роняли сочиненіе. Авторъ, какъ и самъ заявляетъ въ послѣсловіи, получилъ отъ своей работы много и для своего ума и особенно для своего религіознаго чувства. Послѣднее же особенно важно для него въ его положеніи.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

32) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова о сочиненіи студента *Вячеслава Раевского* на тему: „Св. Іоанна Златоустаго ученіе о совѣсти“.

„Произведенное студентомъ Раевскимъ изслѣдованіе ученія І. Златоуста о совѣсти предваряется введеніемъ (стр. 1—18), въ которомъ авторъ, по его словамъ, разсматриваетъ исторію вопроса о совѣсти для лучшаго уясненія понятія объ этой способности души (стр. 1). Краткое обозрѣніе исторіи этого вопроса проявляется здѣсь въ томъ, что авторъ за разъясненіемъ понятія о совѣсти обращается къ св. книгамъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, къ сочиненіямъ языческихъ греческихъ и латинскихъ писателей, и приходитъ къ заключенію, что христіанское понятіе о совѣсти чище, свѣтлѣе и содержательнѣе языческаго представленія о ней (стр. 17). Результаты изслѣдованія предмета своего сочиненія авторъ изложилъ въ пяти главахъ, въ которыхъ онъ ведетъ рѣчь объ опредѣленіи совѣсти (гл. I, 19—43), объ отношеніи совѣсти къ разуму (гл. II, 43—52), о функціяхъ совѣсти (гл. III, 53—105), о принципахъ совѣсти (гл. IV, 106—114) и о непогрѣшимости совѣсти (гл. V, 114—167). Въ „заключеніи“ (167—175) кратко воспроизводятся существенныя черты ученія Златоуста о совѣсти.

Тема сочиненія, какъ уже видно изъ предложеннаго краткаго обзорѣнія содержанія его, изслѣдована съ надлежащею полнотою; есть въ немъ даже нѣчто такое, что можно было бы безъ сожалѣнія опустить,—разумѣю введеніе, имѣющее слишкомъ ужъ отдаленное отношеніе къ ученію св. Іоанна Златоуста о совѣсти, и часть 1-ой главы, названную „характеристикой Златоуста“ и не заключающую въ себѣ какой-либо характеристики сего св. отца. Первоисточникомъ для автора служили творенія св. І. Златоуста, основательно изученныя имъ; дополненія и поясненія къ ученію Златоуста о совѣсти г. Раевскій извлекалъ изъ многочисленныхъ святоотеческихъ писаній, съ которыми онъ хорошо знакомъ. Пособіями для автора служили почти исключительно сочиненія русскихъ писателей. Языкъ сочиненія отличается простотою и ясностію. Отмѣченные качества разсмотрѣннаго сочиненія дѣлають его вполне удовлетворительнымъ для полученія авторомъ его степени кандидата богословія“.

33) Ординарнаго профессора—протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента *Анемподиста Райскаго* на тему: „Церковно-политическая дѣятельность русскихъ патріарховъ“.

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ частей.

Во *введеніи* (стр. 1—32) авторъ, показавъ научное и жизненное значеніе темы, предлагаетъ очень удачно составленный опытъ постепеннаго раскрытія ея въ русской исторической литературѣ въ видѣ критико—библіографическаго обзора этой послѣдней.

Въ *первой части* (стр. 33—106), состоящей изъ двухъ отдѣловъ, авторъ, путемъ историческаго оспѣщенія обстоятельствъ учрежденія патріаршества въ Россіи и дѣятельности московско—русскихъ митрополитовъ XV—XVI в.в., устанавливаетъ ту основную свою мысль, что источникомъ и базою политической дѣятельности русскихъ патріарховъ были не какія либо новыя и особенныя права, полученныя русскимъ перво-

іерархомъ при учрежденіи у насъ патріаршества въ 1589 г., но то традиціонное положеніе и тѣ реальныя права, какія пріобрѣли и какими пользовались еще раньше наши перво-іерархи, въ зависимости отъ ихъ личныхъ характеровъ и отъ особенныхъ условій церковно-государственной жизни ихъ времени.

Во второй части (стр. 107—388), подраздѣляющейся на пять главъ, подробно и обстоятельно изображается церковно-политическая дѣятельность русскихъ патріарховъ: Іова (особо), Гермогена (особо), Филарета (особо), Никона (особо) и Іоасафа I, Іосифа, Іоасафа II, Іоакима, Адріана и Питирима (вмѣстѣ).

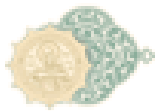
Часть третья (стр. 389—514) посвящена общей оцѣнкѣ церковно—политической дѣятельности русскихъ патріарховъ, въ связи съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи между церковью и государствомъ.

Предметъ сочиненія не новый. Но авторъ даетъ ему въ своемъ трудѣ совершенно новую постановку. Дѣятельность нашихъ патріарховъ онъ разсматриваетъ параллельно съ дѣятельностію ихъ предшественниковъ—московско-русскихъ митрополитовъ. Къ своей темѣ онъ подходитъ какъ чистый историкъ, хотя и каноническая точка зрѣнія на предметъ ему прекрасно извѣстна.

Историческіе факты, необходимыя для полного и возможно болѣе яркаго освѣщенія предмета, подобраны авторомъ очень удачно. Здѣсь авторъ обнаружилъ большую начитанность въ литературу по русской исторіи, особенно XVI—XVII вв.

Ошибочныхъ сужденій, за исключеніемъ устарѣлаго неправильнаго мнѣнія о томъ, что наши первые митрополиты жили въ Переяславѣ Полтавскомъ (стр. 68), въ сочиненіи нѣтъ.

Изложеніе диссертациі—легкое, языкъ—литературный и красивый.

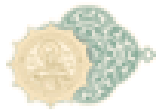

На основаніи сказаннаго, сочиненіе студента А. Райскаго, какъ кандидатская диссертация, можетъ быть признано весьма хорошимъ“.

34) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова о сочиненіи студента *Владимира Русанова* на тему: „Быть студентомъ старой Кіевской Академіи“.

„Авторъ предпринялъ обозрѣть бытъ студентовъ старой Кіевской Академіи (до 1817 г.) не по историческимъ періодамъ жизни Академіи и ея студентовъ, а по разнымъ сторонамъ этого быта, вводя историческій элементъ лишь въ обозрѣніе отдѣльныхъ сторонъ этого быта. По содержанію авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсматриваются „факторы, опредѣляющіе бытъ студентовъ, а во второй предлагаются „очерки быта студентовъ“. Къ факторамъ, опредѣляющимъ бытъ студентовъ, отнесены „соціальный и количественный составъ студентовъ“ и „матеріальное положеніе студентовъ“. При описаніи быта студентовъ во второй части авторъ говоритъ отдѣльно „о классныхъ часахъ“ и о „внеклассной жизни студентовъ“. Такимъ образомъ, сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей и четырехъ главъ, по двѣ главы въ каждой части. Такъ какъ сочиненіе въ значительной степени основано на рукописныхъ, неизданныхъ еще источникахъ, то къ нему сдѣланы обширныя приложенія въ видѣ оправдательныхъ документовъ, изъ 39 №№, на 206 страницахъ.

Въ первой главѣ о социальномъ и количественномъ составѣ студентовъ авторъ, принявъ слово „студентъ“ въ широкомъ смыслѣ воспитанника вообще и сказавъ о студенческихъ конгрегаціяхъ, старается опредѣлить социальное положеніе студентовъ и ихъ численность въ разное время. Старая Академія была всесловнымъ учебнымъ заведеніемъ; но съ XVIII вѣка число инословныхъ и зарубежныхъ воспитанниковъ постепенно уменьшается и увеличивается число дѣтей духовенства,—и Кіевская Академія становится все болѣе и бо-

лѣе сословною. Общее число воспитанниковъ Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ трудно опредѣлить; но съ XVIII вѣка оно доходило до 2000 и болѣе и затѣмъ прогрессивно падало подъ вліяніемъ упрочившейся сословности Академіи и отлива ея воспитанниковъ въ другія учебныя заведенія.

Вторая глава о матеріальномъ положеніи студентовъ стоитъ въ тѣсной связи съ первою, такъ какъ это матеріальное положеніе обыкновенно опредѣлялось происхожденіемъ студентовъ. Были двѣ главныя группы студентовъ: богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, состоятельныхъ и бѣдныхъ. Первые жили въ своихъ домахъ или квартирахъ, въ довольствѣ, со всѣми удобствами, а послѣдніе—или въ великой бурсѣ, или въ малыхъ церковно—приходскихъ Кіево—подольскихъ бурсахъ или школахъ. Особенное вниманіе авторъ удѣляетъ бѣднымъ студентамъ: говорить о пресмѣстной постройкѣ бурсъ П. Могилою, І. Кроковскимъ, Ар. Могилянскимъ, Г. Кременецкимъ и Серап. Александровскимъ и о средствахъ къ пропитанію бурсаковъ. До митрополита Г. Кременецкаго (1770—1783 г.г.) бурсакамъ давалось только помѣщеніе и перепадали кое—какія крохи изъ пособій со стороны митрополита, Братскаго монастыря, приходскихъ церквей и частныхъ лицъ, тогда какъ главнымъ способомъ содержанія было испрошеніе милостины. Но съ 1766 года стало отпускатся на бѣдныхъ студентовъ и казенное пособіе, увеличенное впоследствии вѣчными вкладами кіевскихъ митрополитовъ и частныхъ лицъ на этотъ предметъ.

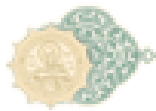
Третья глава говоритъ о классныхъ занятіяхъ студентовъ. Сначала поступали въ Богоявленскую братскую школу преимущественно дѣти мѣстныхъ обывателей и неграмотные и поступали свободно и во всякомъ возрастѣ; но съ преобразованіемъ въ Коллегію и затѣмъ въ Академію требовались извѣстная подготовка, опредѣленный возрастъ и документы о происхожденіи и состояніи. Въ первоначальной школѣ ученіе продолжалось, повидимому, цѣлый день, но впоследствии клас-

сы были утренніе и вечерніе. Въ этой главѣ говорится о классномъ распредѣленіи учениковъ по успѣхамъ, о студенческомъ чиновначаліи и способахъ надзора за успѣхами и поведеніемъ учениковъ, о пресловутомъ калькулюстѣ, о наградахъ и наказаніяхъ учащимся, о диспутахъ, о періодическихъ возмущеніяхъ противъ преподавателей и начальства, о продолжительности обученія въ Академіи и т. п. Обращеніе учителей со студентами, первоначальное суровое и грубое, замѣтно улучшается къ концу XVIII вѣка.

Самая большая по объему главы это—четвертая, изображающая внѣклассную жизнь студентовъ. Эту жизнь авторъ описываетъ въ порядкѣ будничной и праздничной жизни студентовъ по выходѣ изъ классовъ, начиная съ одежды ихъ,—какъ они добывали себѣ пищу дозволенными и недозволенными способами, питаюсь большею частію впроголодь, въ какихъ жили санитарно-гигіеническихъ условіяхъ, какъ приготовляли уроки на слѣдующій день, какъ позволяли себѣ ночныя походы и входили въ столкновенія со сторонними людьми, какія имѣли средства и пособія къ эстетическому самообразованію и чтенію книгъ, какъ проводили праздничные, торжественные и нарочитые дни, участвовали въ церковныхъ церемоніяхъ, въ школьныхъ драматическихъ представленіяхъ, въ домашнихъ и публичныхъ диспутахъ, и проч. Въ заключеніе этой главы авторъ говоритъ о вакаціальномъ времяпрепровожденіи студентовъ.

Общій планъ сочиненія самъ авторъ признаетъ довольно искусственнымъ (стр. 23). Съ этимъ нельзя не согласиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ планъ этотъ имѣетъ за себя и внутреннюю силу, объединяющую все сочиненіе: первая часть сочиненія является какъ бы исподнимъ основаніемъ для второй части. Отдѣльныя главы обѣихъ частей развиты полно и обстоятельно, съ указаніемъ историческихъ видоизмѣненій въ той или иной сторонѣ быта студентовъ. Автору пришлось перечитать много не только печатнаго, но и рукописнаго матеріала, кото-

рымъ онъ и воспользовался довольно умѣло. Но это же обилие матеріала послужило причиною и того, что авторъ не успѣлъ провѣрить нѣкоторыя частности и принять ихъ на вѣру изъ печатныхъ источниковъ и пособій, въ настоящее время уже потерявшихъ свой кредитъ. Такъ, напр., вслѣдъ за Аскоченскимъ онъ ошибочно повторяетъ, будто бы въ 1693 году преподавалъ богословіе въ Киевской Академіи Іоасафъ Кроковскій (стр. 173). Для полученія кандидатской степени сочиненіе весьма удовлетворительно“.

35) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова о сочиненіи студента священника *Теодора Синькевича* на тему: „Пастырское служеніе, по ученію св. Іоанна Златоустаго“.

„Свящ. Теодоръ Синькевичъ, самъ проходящій пастырское служеніе, отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ изученію предмета своего сочиненія. Зная (стр. 27), что св. І. Златоустый часто въ своихъ твореніяхъ, въ блестящей литературной формѣ, воспроизводитъ мысли, высказанныя прежними церковными писателями, авторъ, для лучшаго пониманія ученія великаго святителя о пастырствѣ, составилъ краткое обзорѣніе ученія объ этомъ предметѣ мужей апостольскихъ и церковныхъ писателей 2, 3 и 4-го вв. Этимъ обзорѣніемъ авторъ подготовилъ почву для построенія сравнительнаго метода изслѣдованія и опредѣленія важности ученія св. І. Златоустаго о пастырскомъ служеніи и выясненія литературной зависимости сего святого отца отъ своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя, недостаточно, впрочемъ, твердыя, основанія для примѣненія этого метода кратко обозначены на страницахъ 26—31; лучше было бы воспользоваться тѣми данными, которыя приводятся въ немаломъ количествѣ на послѣдующихъ страницахъ разсматриваемаго сочиненія. Этотъ методъ помогъ автору опредѣлить задачу сочиненія, не совсѣмъ удачно сформулированную о. Синькевичемъ. Сущность опредѣленія ея можно выразить такъ: „систематическое изло-

женіе сужденій св. І. Златоуста о пастырскомъ служеніи и поясненіе ихъ сужденіями св. Григорія Богослова и Василія Великаго составляютъ задачу настоящаго труда" (стр. 31).

Ученіе св. І. Златоуста о пастырскомъ служеніи обслѣдовано и разсмотрѣно довольно всесторонне. Авторъ излагаетъ и выясняетъ ученіе св. І. Златоустаго о значеніи пастырскаго служенія, о качествахъ души священника, объ обязанностяхъ пастыря, о пастырской дѣятельности въ селѣ, о трудности и отвѣтственности пастырскаго служенія, о качествахъ души священника, объ обязанностяхъ пастыря, о трудности и отвѣтственности пастырскаго служенія, о кандидатахъ священства. Сужденія св. І. Златоуста объ указанныхъ предметахъ сопровождаются поясненіями, заимствованными изъ твореній Василія Великаго и особенно св. Григорія Богослова. Выясненіе зависимости св. І. Златоустаго въ ученіи о пастырскомъ служеніи отъ св. Григорія Назіанзена можетъ быть поставлено въ заслугу о. Синькевича, хотя способъ выясненія этой зависимости и нельзя назвать удачнымъ.

Сочиненіе написано хорошимъ литературнымъ языкомъ. Въ своемъ сочиненіи авторъ обнаружилъ значительное знакомство съ древнею церковною литературою. Ученіе св. Іоанна Златоустаго о пастырскомъ служеніи понято и изъяснено правильно.

Всѣ указанныя выше добрыя качества сочиненія свящ. Синькевича служатъ достаточнымъ основаніемъ для признанія его (сочиненія) удовлетворительною кандидатскою диссертацией“.

36) Ординарнаго профессора В. Завитневича о сочиненіи студента *Григорія Соколова* на тему: „Церковно-общественные идеалы И. С. Аксакова“.

„И. С. Аксаковъ является послѣднимъ представителемъ старшей генераціи такъ называемыхъ славянофиловъ. На лите-

ратурное поприще онъ выступилъ въ то время, когда основныя положенія славянофильской доктрины по вопросамъ философско-богословскимъ, церковно-общественнымъ и бытовымъ были высказаны и въ существѣ своемъ теоретически обоснованы. Примкнувъ послѣ нѣкотораго колебанія къ славянофильскому направленію, И. С. Аксаковъ взялъ на себя трудъ дальнѣйшей болѣе детальной разработки славянофильскаго ученія въ примѣненіи къ практическимъ вопросамъ жизни, тѣмъ болѣе, что онъ не чувствовалъ въ себѣ ни силъ, ни подготовки къ изслѣдованію въ области отвлеченныхъ философско-богословскихъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ онъ преклонялся предъ авторитетомъ А. С. Хомякова. Сообразно съ этимъ, и г. Соколовъ ставитъ своей задачей дать систематическое изложеніе воззрѣній Аксакова по государственнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ, предпосылая этому сжатый біографическій очеркъ.

Въ біографіи И. С. Аксакова, которой посвящена первая глава сочиненія, г. Соколовъ довольно отчетливо отмѣчаетъ три момента: жизнь дома и въ Училищѣ правовѣдѣнія, состояніе на государственной службѣ и моментъ литературно-публицистической дѣятельности. Слѣдя послѣдовательно за постепенной выработкой взглядовъ -Аксакова, отмѣчая вліяніе семьи и въ частности старшаго брата Константина Сергѣевича, авторъ между прочимъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что прикосновеніе Ивана Сергѣевича въ молодые годы къ государственной службѣ способствовало практическому ознакомленію съ отрицательными сторонами нашей государственности, на которыя онъ такъ рѣшительно нападалъ въ своихъ литературныхъ трудахъ.—Основной темой второй главы служить взглядъ Аксакова на общество и государство. Уясняя характерныя особенности этихъ формъ жизни народа, опредѣляя норму ихъ взаимнаго отношенія и отступленія отъ нея, Аксаковъ приступалъ къ анализу этихъ вопросовъ съ точки зрѣнія исторической, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался

на царствованіи Петра В., Николая I и Александра II, отмѣчая моменты зарожденія и полного развитія ненавистой ему бюрократической стихіи. Въ виду того, что правильная жизнь общества возможна при свободѣ слова и разумной постановкѣ школьнаго дѣла, авторъ останавливается на отношеніи Аксакова и къ этимъ вопросамъ.—Центральнымъ вопросомъ III главы является вопросъ о Церкви и ея отношеніи къ государству. Признавая абсолютное значеніе за рѣлигіозной вѣрой вообще и православіемъ въ частности, указывая на живое, искреннее отношеніе нашего простого народа къ вѣрѣ и на отчужденіе отъ него въ этомъ отношеніи интеллигенціи, отмѣчая фактъ утвержденія въ жизни нашей Церкви внѣшняго формализма и на необходимость начать ея возрожденіе съ прихода, какъ основной ячейки церковно-общественной жизни, Аксаковъ очень внимательно останавливается на взаимномъ отношеніи между Церковью и государствомъ. Указывая различіе между Церковью, какъ царствомъ „Божіимъ“, и государствомъ—царствомъ „кесаревымъ“, Аксаковъ недоволенъ былъ установившимся между ними со временъ Петра В. отношеніями, и, устанавливая свою норму, свой идеалъ этихъ отношеній, онъ приближался въ этомъ случаѣ къ воззрѣніямъ извѣстнаго протоіерея А. М. Иванцова-Платонова.—Въ заключеніи авторъ отмѣчаетъ отношеніе къ славянофильству В. С. Соловьева, А. Н. Пыпина и П. Н. Милокова, чего онъ могъ бы и не дѣлать.

Изъ сказаннаго видно, что главной задачей своего труда, г. Соколовъ поставилъ извлеченіе изъ множества отдѣльныхъ статей и писемъ И. С. Аксакова всего того, что относится къ намѣченному въ темѣ вопросу и приведеніе добытаго такимъ путемъ матеріала въ систему. Задача эта выполнена авторомъ съ успѣхомъ. Г. Соколовъ вполне усвоилъ себѣ духъ міровоззрѣнія Аксакова, отмѣтилъ всѣ существенныя стороны въ этомъ міровоззрѣніи и въ сжатой, точной формѣ, въ большинствѣ случаевъ словами самого Аксакова, но безъ излиш-

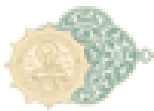
него нагроможденія выписокъ, мысли, разбросанныя во множествѣ отдѣльныхъ статей, привелъ въ стройную систему. Въ виду того, что И. С. Аксаковъ въ своихъ воззрѣніяхъ сильно зависѣлъ отъ трудовъ своихъ предшественниковъ въ изслѣдуемой имъ области, отъ г. Соколова можно было бы потребовать болѣе широкаго примѣненія сравнительнаго метода.—Для полученія кандидатской степени настоящее сочиненіе слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ“.

37) Экстраординарнаго профессора священника А. Глаголева о сочиненіи студента *Петра Стывакова* на тему: „Ветхозавѣтныя Богоявленія по библейскому и святоотеческому ученію“.

„Богоявленія, или разные образы самооткровенія Божества людямъ, образуютъ существенный моментъ сверхъ-естественнаго Божественнаго Откровенія людямъ и во всѣ періоды библейской исторіи являются главнѣйшимъ источникомъ Богопознанія. При этомъ ветхозавѣтныя богоявленія, начинаясь съ древнѣйшихъ, первобытныхъ временъ человѣчества, проходятъ чрезъ весь Ветхій Заветъ, раскрываются въ извѣстной послѣдовательности, и оканчиваются, точнѣе, завершаются лишь въ явленіи Бога во плоти, согласно извѣстному органическому пониманію Откровенія у св. Апостола (Евр. 1, 1—2). Поэтому прослѣдить и посильно уяснить весь ходъ и всю совокупность ветхозавѣтныхъ богоявленій значитъ начертать величественный образъ промыслительной и домостроительной дѣятельности Божіей въ ветхозавѣтной исторіи спасенія, а вмѣстѣ представить и поступательное раскрытіе ученія ветхозавѣтной религіи о Богѣ. Такое изслѣдованіе обѣщаетъ быть тѣмъ болѣе плодотворнымъ, если имѣетъ вестись подъ руководствомъ святыхъ отцовъ и учителей церковныхъ—носителей духа евангельскаго и вселенско-церковнаго, въ сужденіи объ отношеніи обоихъ заветовъ всегда руководившихся тѣмъ же органическимъ воззрѣніемъ, какъ и св. Апостоль“.

Опытъ такого именно труда представляетъ курсовая работа студента Спѣвакова.

Отмѣченное нами значеніе ветхозавѣтныхъ богоявленій, вообще говоря, надлежащимъ образомъ понято авторомъ и уяснено въ цѣломъ ходѣ его изслѣдованія. Это видно уже изъ общей схемы и внѣшней структуры сочиненія. Содержаніе его таково. Въ „предисловіи“ (стр. 1—X) дается общее понятіе о богоявленіяхъ, кратко уясняется возможность ихъ, а также отмѣчаются природа, характеръ, смыслъ и значеніе ветхозавѣтныхъ богоявленій, наконецъ, устанавливается историческая ихъ послѣдовательность съ различеніемъ четырехъ моментовъ въ исторіи богоявленій: патріархальнаго, подзаконнаго—допророческаго, пророческаго, наконецъ, новозавѣтнаго. Каждый изъ этихъ періодовъ обозрѣвается въ особой главѣ, и все сочиненіе состоитъ, такимъ образомъ, изъ четырехъ главъ. Въ концѣ предисловія указана достаточно обширная литература святоотеческая и ученая, служившая автору при написаніи его труда. Предпосланное затѣмъ изслѣдованію особое „введеніе“ (стр. 1.—28) посвящено обзорѣнню разныхъ литературныхъ направленій въ рѣшеніи вопроса о субъектѣ ветхозавѣтныхъ богоявленій. Самъ авторъ рѣшительно склоняется на сторону того мнѣнія церковныхъ учителей и многихъ новыхъ библіологовъ и богослововъ, по которому главнымъ дѣятелемъ ветхозавѣтныхъ богоявленій, какъ и всей ветхозавѣтной исторіи, былъ Сынъ Божій—Логосъ на пути къ его воплощенію. Эта идея со всею неуклонною послѣдовательностію проводится авторомъ на протяженіи всего сочиненія. Съ этой основной точки зрѣнія разсматриваются и уясняются: 1) въ первой главѣ (стр. 29—254) богоявленія, патріархальнаго періода: Адаму, Каину, Ною, Аврааму, Исааку. Іакову, Авимелеху, Лавану и Іову; 2) во второй главѣ (стр. 254—342) богоявленія допророческаго періода: Моисею, Валааму, Іисусу Навину, евреямъ въ Бохимѣ, Гедену и Маною; 3) въ третьей главѣ (стр. 342—452) богоявленія въ пророчес-

скій періодъ: Самуилу, Давиду, Соломону, Ілїи, Ісаїи, Іезекілю, Данїилу, Захарїи; 4) четвертую главу сочиненія (стр. 453—511) образуєть изложеніе святоотеческаго ученія I—V вв. о ветхозавѣтныхъ богоявленїяхъ. Въ „заключенїи“ (стр. 511—515) авторъ, бросая заключительный взглядъ на пройденный путь изслѣдованія, выражаетъ благоговѣйныя чувства преклоненія предъ величіемъ дивныхъ путей Божїа промысленія въ многократныхъ и многоразличныхъ богоявленїяхъ, еще разъ сжато отмѣчая сотеріологическое значеніе послѣднихъ.

Въ разсмотрѣнїи ветхозавѣтныхъ богоявленїй по библейскимъ свидѣтельствамъ авторъ обычно держится исторической послѣдовательности библейскихъ событїй, а при обзорѣ и изложенїи каждаго отдѣльнаго богоявленїя всегда беретъ его въ его исторической обстановкѣ и устанавливаетъ хронологическую, логическую и сотеріологическую связь каждаго богоявленїя съ другими аналогичными ему и имѣвшими мѣсто прежде или послѣ него. Пользованіе такимъ историческимъ методомъ въ работѣ библейско-богословскаго характера, какимъ является трудъ автора, отмѣчаетъ самому существу дѣла, а потому разсматриваемое сочиненіе имѣетъ качества ученаго изслѣдованія, сообщающаго въ научной формѣ истинное представленіе о предметѣ; постоянное же и широкое пользованіе творенїями отцовъ и учителей церкви сообщаетъ нѣкоторую законченность разнаго рода библейско-богословскимъ понятїямъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ ручательствомъ правильности воспроизведенія ихъ у автора.

Есть въ сочиненїи нѣкоторые недочеты, которые должны быть устранены при дальнѣйшемъ продолженїи сочиненія, что мы признаемъ желательнымъ. Такъ, значительная начитанность автора въ литературѣ предмета все-же можетъ быть еще восполнена, что относительно святоотеческой письменности сознаетъ и самъ авторъ; съ тѣмъ вмѣстѣ должна быть болѣе упорядочена цитація въ сочиненїи, особенно въ отношенїи ученой литературы вопроса. Въ обзорѣ ветхозавѣтныхъ бо-

оявленій нѣкоторыя изъ нихъ (напр., видѣніе прор. Амоса, Амос. IX, 1 сл.) опущены авторомъ безъ достаточнаго основанія и въ ущербъ полнотѣ обзрѣнія. Достаточно вдумчивая вообще мысль автора по мѣстамъ не нашла себѣ надлежащаго выраженія, и нѣкоторымъ мыслямъ сочиненія недостаетъ полной ясности, а нѣкоторымъ выраженіямъ—надлежащей богословской точности. Но всѣ этого рода и подобные случайные недочеты не понижаютъ достоинства сочиненія сколько—нибудь существеннымъ образомъ. Привлекательную сторону сочиненія составляетъ проникающее его авторское благоговѣйное настроеніе, такъ необходимое для изучающаго слово Божіе. И мы признаемъ сочиненіе и въ настоящемъ его видѣ очень хорошою кандидатскою диссертациею“.

38) Экстраординарнаго профессора В. Экземплярскаго о сочиненіи студента *Сергія Сырнева* на тему: „Свобода воли, какъ необходимая основа для ученія о нравственной отвѣтственности человѣка“.

„Избранный авторомъ предметъ изслѣдованія представляетъ съ древнихъ временъ вплоть до нашего времени одну изъ наиболѣе сложныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныхъ нравственныхъ проблемъ. Соотвѣтственно тому, что вопросъ о взаимоотношеніи нравственной отвѣтственности и такого или иного взгляда на свободу воли имѣетъ свою исторію, авторъ начинаетъ свое сочиненіе историческимъ очеркомъ, въ которомъ излагаетъ взглядъ на интересующій его вопросъ представителей различнаго направленія философской мысли (Аристотеля, бл. Августина, Спинозы, Юма, Канта, Ренувье). Этотъ очеркъ и составляетъ первую часть авторскаго труда. Вторая часть, названная авторомъ критико—философской, раздѣлена на три главы. Въ главѣ первой авторъ выясняетъ самыя понятія нравственной отвѣтственности и предполагаемой ею свободы. Въ главѣ второй уясняется взаимоотношеніе нравственной отвѣтственности и свободы воли. Третья глава по